

Впервые фамилия Карла Эрика Бекхофера встретилась мне в книге дочери генерала Антона Ивановича Деникина – Марины Антоновны Деникиной-Грей.

У автора мемуаров «Генерал Деникин. Воспоминания дочери» удивительная судьба. Родилась Марина Антоновна в Екатеринодаре в 1919 году, вместе с родителями оказалась в эмиграции, стала известным журналистом, много лет вела передачи на французском телевидении «со звездами той эпохи – Жераром Филиппом, Пабло Пикассо, Марком Шагалом, Сальвадором Дали, Эдит Пиаф, Франсуазой Саган».

Во время одной из предвыборных кампаний она умудрилась поссориться с будущим президентом Франции Жоржем Помпиду, после чего дорога на телевидение была для нее закрыта. Но это Деникину мало расстроило, так как первый муж Франсуазы Саган заказал ей книгу о белом движении в России. Так началась серия книг, посвященных российской истории, – «Расследование об убийстве Романовых», «Генерал умирает в полночь» (о похищении чекистами генерала Кутепова), «Распутин», книга воспоминаний об отце.

В октябре 2005 года она перевезла прах отца и матери в Москву, перезахоронив их в Донском монастыре, а через месяц скончалась в Версале в возрасте 85 лет.

Мемуары дочери Деникина – ценный документ по истории Гражданской войны на Кубани, а упоминание других участников этих событий, тем более связанных с журналистским сообществом, давало ценную подсказку в направлении дальнейших поисков новых источников и свидетельств.

В книге «Генерал Деникин. Воспоминания дочери» встречается следующий фрагмент: «Если победителям Екатеринодар представлялся в ра-

дужных тонах, то представители иностранных военных миссий и военные корреспонденты, не замедлившие нахлынуть в город, отзывались о нем совсем по-другому». Марина Антоновна цитирует вышедшую в 1921 году в Лондоне книгу достаточно известного в свое время британского писателя, журналиста и переводчика Карла Эрика Бекхофера (Carl Eric Bechhofer) под названием «В деникинской России и на Кавказе, 1919–1920» («In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920»).

Прошло время, и Бекхофера основательно подзабыли и в Англии, а в отечественной традиции транскрибирование его фамилии породило настоящую путаницу – от «Бичхоуфер» (по версии Марины Антоновны Деникиной) до Бехофер, Бечхофер, Бичхофер и Бехгофер.

Вариативность написания фамилии при отсутствии серьезного исследования творчества этого литератора приводит к серьезным затруднениям, так как имя Бекхофера время от времени появляется в различных источниках, но в качестве второстепенной фигуры, не заслуживающей специальной оценки.

Специалистам, занимающимся творчеством Николая Гумилева, имя Бекхофера знакомо, так как английский журналист был не просто знаком с русским поэтом по Петрограду, но и вводил его в литературные круги Лондона. О нем Гумилев писал Анне Ахматовой 21 июня 1917 года: «Бехгофер (англичанин из Собаки) пригласил меня остановиться у него. Он тоже в India, недурно говорит по-русски и знакомит меня с поэтами. Но все в один голос говорят, что хороших сейчас нет, и у большинства обостренные отношения. Сегодня я буду на вечере у Йейтса, английского Вячеслава. Мне обещали также устроить встречу с Честертонном, которому, оказывается, за сорок и у которого

около двадцати книг. Его здесь или очень любят, или очень ненавидят – но все считаются. Он пишет также и стихи, совсем хорошие».

Любители фантастики также знают его (но уже в качестве Бичхофера Робертса) по публикации перевода рассказа «Подводный остров» («The Island Under the Sea») в журнале «Всемирный следопыт» в 1926 году.

Тесно связан Бекхофер со знаменитыми российскими мистиками – Георгием Гурджиевым и Петром Успенским, о которых он много писал, а учением Успенского одно время даже серьезно увлекался.

Кроме того, Бекхофер перевел на английский язык поэму Блока «Двенадцать» (издание вышло с иллюстрациями Михаила Ларионова), две небольшие пьесы Чехова («Свадьба» и «Юбилей»), «Недоросль» Фонвизина, две пьесы Евреинова («Красивый деспот» и «Веселая смерть»), а с украинского – «Вавилонское пленение» Леси Украинки.

Итак, что мы знаем о личности Карла Эрика Бекхофера, добавившего впоследствии к своей фамилии приставку Робертс и писавшего также под псевдонимом «Эфесянин»?

Родился Бекхофер в 1894 году в Лондоне, там же он получил первоначальное образование. Отец, не одобрявший увлечение сына классическими науками, послал пятнадцатилетнего подростка в Германию, чтобы тот научился практическому знанию.

Однако, несмотря на отцовскую волю, Бекхофер продолжил классическое образование в немецких университетах, где в порядке вещей (помимо учебы) были попойки и дуэли. Тогда же началось его сотрудничество с лондонским модернистским журналом «The New Age», в котором в дальнейшем он публиковал целую серию репортажей из дореволюционной России.

Редактор-издатель этого журнала оставил любопытное описание юного Бекхофера: «Помню полноватого, краснолицего юношу лет восемнадцати, которого я ввел в круг моего журнала. Тогда он подписывался Карлом Бекхёфером (иногда весьма остроумно Чарльзом Брукфармером). После войны 1914–1918 годов он совершил авантюрную поездку в Советскую Россию, где лишился своего умлаута и стал Бекхофером-Робертсом. До пропажи умлаута он наострился писать памфле-

ты, полные неподдельного веселья. Удачной оказалась пародия на ведущие лондонские журналы, и все мы чувствовали, что он уже созрел для написания чего-то значительного».

В период Гражданской войны Бекхофер, неплохо знавший русский язык, волею судеб оказался на Юге России. Он писал для нескольких британских периодических изданий репортажи из Батума, Тифлиса, Ростова-на-Дону, Таганрога, Екатеринодара, Новороссийска и Баку, что в итоге завершилось публикацией книги «В деникинской России и на Кавказе, 1919–1920».

Помимо нескольких документальных книг о России и своих путешествиях по миру, Бекхофер пробовал себя в самых разных жанрах – писал романы (один из которых о Чарльзе Диккенсе и его связи с актрисой Эллен Тернан), биографии (одна из первых – об Уинстоне Черчилле), пьесы, детективы, фантастику, литературную критику, книги по оккультизму.

Умер он в городке Доркинг, в английском графстве Суррей в 1949 году.

Впервые на русском языке публикуется фрагмент книги Карла Эрика Бекхофера «В деникинской России и на Кавказе, 1919–1920», посвященный событиям, происходившим в Екатеринодаре в начале 1920 года, когда наш город все еще был столицей Белого Юга.

КАРЛ ЭРИК БЕКХОФЕР В ДЕНИКИНСКОЙ РОССИИ И НА КАВКАЗЕ Глава пятая ЕКАТЕРИНОДАР: ОТСТУПЛЕНИЕ ДОБРО- ВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Екатеринодар – старинное казачье поселение, основанное, как видно из названия, одной из российских императриц Екатериной. Это небольшой провинциальный городок, известный большинству россиян в прежние времена только как административный центр Кубанской казачьей области и железнодорожная станция на пути в Новороссийск. Он внезапно получил известность в период антибольшевистских походов против советских войск. Когда генерал Корнилов впервые повел свою армию в кубанские степи, его основной целью стал Екатеринодар. Руководя осадой Екатеринодара, он был убит большевистским снарядом. После этой катастрофы, привлекая

на сторону большевиков десятки тысяч простых людей, добровольцы сняли осаду и снова ушли в степи. Однако вскоре они вернулись, и Екатеринодар стал первой столицей антибольшевистской России. Когда в 1919 году начался большой поход на Москву, резиденция правительства переместилась в Ростов. Но сейчас, в первые дни 1920 года, падение Ростова снова вернуло добровольцев в Екатеринодар.

Нет ничего более нелепого, чем вид этого удаленного маленького провинциального городка, исполняющего роль Российской столицы. Это все равно как, скажем, Лондондерри [1] оказался столицей войск, лояльных британской короне, в случае, если бы большевики захватили все крупные города. Екатеринодар – самый неподходящий во всех отношениях. Немногочисленные и длинные улицы его совершенно непроходимы зимой из-за грязи, летом – из-за пыли. Когда я вернулся сюда из Ростова, здесь, конечно же, был самый разгар грязевого сезона. Каждый раз ночью грязь подмерзала, но поутру регулярно оттаивала. Поэтому грязь была просто за гранью понимания. Я не находил себе места от счастья, если удавалось добраться от моего местопребывания к центральным улицам и вернуться обратно не заляпанным грязью до колен. Главная улица пустынна и убога, магазины бедны, а огромный собор, такой же пустынный, как и все вокруг, одиноко стоял на большой площади в центре города. Несколько трамваев блуждали по городу, а весь остальной транспорт с трудом пробивался через ухабы и грязь. Вообразите на миг маленький городишко, переполненный из-за наплыва тысяч и тысяч офицеров, солдат и беженцев из Ростова и центральной России! Легко представить себе разницу между местными жителями и вновь прибывшими. В театральные антрактах забавно было отличать в толпе местных. Они казались столь несчастными и провинциальными, что вызывали сочувствие и своим внешним видом, и быстрой утратой собственной значимости в собственном городе.

Хорошо известно, что казачьи области в России – Донская область, Кубанская область и Терская область (называемые так по именам их главных рек) – имели при царском режиме большую степень самоуправления при военном управлении. Казаки – привилегированный землевладельческий класс, облагавшийся незначительными

налогами или не плативший их вовсе, но взамен несший долгую военную службу, поставляя собственных лошадей и военное снаряжение, и находившийся в постоянной боевой готовности на случай опасности. Во всех казачьих землях проживало почти такое же количество «иногородних», то есть «жителей других городов» – чужаков; это были люди, которые либо пришли в казачьи области в качестве поселенцев, либо жили здесь до того, как эти земли были дарованы казакам императорским указом. Иногородние были крайне недовольны привилегиями казаков, и конфликт между этими двумя партиями стал причиной большей части проблем, возникших перед добровольцами в местных степях. После Русской революции в марте 1917 года казачьи области также взяли курс на демократическое развитие. Казаки стали образовывать «Советы» и «Круги», чтобы обсуждать собственные дела, а иногородние – оказывать на них давление с целью получить долю в управлении. С приходом большевиков иногородние и небольшая часть молодых казаков выступили против привилегий казаков-землевладельцев, у которых не было ни малейшего желания потакать мятежникам. Борьба принимала разные формы, но приход добровольцев в степь, а также горький опыт большевистского правления, вскоре сделал казачьи области полностью антибольшевистскими. Но была также ревность казаков к добровольцам, где обе стороны презирали друг друга. Казаки видели в офицерах с севера России хамов и чванливых крестьян и называли добровольцев молокососами и городскими шеголями [2].

Самонадеянность кубанских казаков росла по мере того, как антибольшевистские силы все больше зависели от них из-за поставок продовольствия и людских ресурсов. В декабре 1918 года, как только большевики были изгнаны с Кубани, Кубанский Совет, «Рада», прельщенная соблазнами высокой политики, послала депутацию на Парижскую мирную конференцию [3], чтобы обозначить позицию и требования Кубани. Депутация должна была доложить свое мнение господину Сазонову [4], главе русской делегации в Париже, но на деле уклонилась от встречи с ним и вошла в контакт с представителями небольших соседних с Россией государств, типа Азербайджана, Грузии и других, и, вдохновленная их примером, стала требовать признания Кубани в качестве отдельного и неза-

висящего государства! Не было ничего более смелого и хитрого. Никто из жителей Екатеринодара или двух-трех других кубанских городков, ни земледельцы — казаки или иногородние — и представить себе не могли, что они перестали быть русскими, а являются отныне гражданами независимой Кубанской республики. Мирную конференцию это никак не впечатлило. Однако делегация со своими требованиями не осталась в Париже без внимания. Она добилась встречи с президентом Вильсоном, а в июне 1919 года заключила первый международный союз. Союз был заключен с другой загадочной, по сути своей, группой людей, называвших себя представителями «Республики горских народов» и взявших на себя право говорить от имени народов Дагестана и Кавказа. «Горская республика» [5] была в значительной степени попыткой грузин создать буферное государство между Грузией и Россией. Пробудились схожие амбиции и у кубанской делегации, в то время как германская и грузинская поддержка оказывалась обеим сторонам. Согласно договору, подписанному двумя делегациями, «государства» обязывались уважать независимость и неприкосновенность границ друг друга и фактически отказывались от помощи антибольшевистских сил в пользу нейтралитета, которого должны были придерживаться молодые нации. Кубанская делегация, конечно же, не получила полномочий ни от Рады, ни от правительства для заключения подобного соглашения, и в декабре 1919 года Рада решительно пресекла амбиции этих политиков, отказавшись от договора и распустив делегацию. До этого Рада стремилась отделить Кубань от остальной части России, выставив таможенные посты вдоль всей границы, что привело в смятение организацию войск и стало одной из основных причин, приведших к разрушению деникинских коммуникаций и, в конечном итоге, к поражению. Когда Рада восстановила союз с Россией, генерал Деникин, действуя совместно с избранным кубанским атаманом [6] и другими лояльными членами кубанского правительства, приказал провести военно-полевой суд над четырьмя членами кубанской делегации, несшими основную ответственность за попытку отделения. Трое ускользнули, один — в Тифлис. Четвертый, по фамилии Кулабухов [7], был арестован, осужден и повешен в Екатеринодаре на площади перед собором с прикрепленной на груди табличкой, объ-

являвшей его предателем России. Другие члены Рады, сторонники сепаратизма, были арестованы и высланы за пределы России. Так была ликвидирована сепаратистская авантюра. Казнь Кулабухова оскорбила кубанских казаков не столько своей непомерной суровостью, но потому что была совершена под контролем офицеров во главе с генералом Врангелем, которые в большинстве своем не были выходцами из казачьей среды. Казаки хотели сами повесить предателей! Даже кубанский атаман генерал Успенский (не имеющий никакого отношения к моему другу [8]) в прокламации, осуждающей сепаратизм, заявил, что «глубоко оскорблен тем, что члены кубанской делегации и члены Кубанской Рады были осуждены не новой Кубанской Радой или судом, назначенным Радой». Настроения в среде казаков привели к тому, что генерал Врангель, безусловно лучший генерал Добровольческой армии, был послан на другой фронт.

В первые дни Добровольческой армии кубанские казаки спасли ситуацию, пока донские казаки колебались. Но теперь, зимой 1919—1920 годов, все было наоборот. Донские казаки подобно троянцам сражались под Ростовом и Новочеркасском, своими главными городами, а кубанские казаки были все более и более ненадежны. Это происходило в большей степени из-за тактики кубанских политических лидеров, неопытностью которых умело пользовались влиятельные германские и прочие агенты. На самом деле обычный кубанский казак оказывался в затруднительном положении в случае, если большевики решат вторгнуться на кубанскую землю. Если он останется дома на своей земле, большевики могут маршем пройти по ней, так как донские казаки и остатки добровольцев из центральной России не в состоянии удержать целый фронт. С другой стороны, если пойти походом на большевиков, то иногородние попытаются захватить его землю. И опять-таки же, если большевики захватят Кубанскую область, определенная часть молодых казаков присоединится к ним. Ведь после разгрома большевиков они были вынуждены отступить вместе с ними, и теперь их единственный шанс вернуться домой лежал через новый захват Кубани большевиками. Так, самыми верными отрядами в большевистских войсках стали кубанцы. Подобная неразбериха еще больше затуманивала неясную цель кубанского казачества.

Когда столица генерала Деникина перебра-

лась из Ростова в Екатеринодар, ситуация стала совсем тяжелой. Екатеринодар был безнадежно переполнен. Мне повезло, что я приехал вовремя и смог добыть себе жилье. Мне удалось получить прекрасную квартиру в доме богатого табачного торговца-грека, обеспокоенного тем, что его комнату реквизирует англичанин, однако она могла достаться русскому офицеру или даже двоим, что накануне празднования русского Рождества и Нового года вызывало у него еще большую обеспокоенность, так как праздники отмечаются весьма бурно. Моим соседом по дому оказался еврейский спекулянт, который был знаком с каждой из влиятельных персон в городе, и от которого я получал большую часть полезной информации и возможность встретиться со многими интересными людьми. Ажиотаж вокруг комнат царил чрезвычайный. Надо было перевезти все денкинское правительство в Екатеринодар, а расквартированным офицерам требовалось не менее 8000 квартир для личного состава. Донское правительство (т.е. местное правительство Донской области), бежавшее из Новочеркасска от большевиков, так же хотело разместиться в Екатеринодаре. Да еще, конечно, и местная кубанская администрация. Размещать надо было и иностранные военные миссии, равно как и тысячи беженцев, торговцев, раненых и идущих на поправку офицеров и прочих. Нет нужды говорить, что Екатеринодар не мог вместить и десятой части тех, кто хотел остаться здесь. Власти провели строжайшую реквизицию комнат и домов. Семьи выбрасывались на улицу, чтобы освободить место для вновь прибывших. Расквартированные офицеры ссорились из-за вакантных помещений. Мой приятель, редактор главной газеты в Екатеринодаре, тратил половину времени, чтобы спасти свою семью от выселения из квартиры. Оставшееся время он проводил в редакции или сардонически наблюдая попытки департамента секретной службы Добровольческой армии захватить школьные помещения (в том же здании, где находилась и его квартира), занятые Министерством сообщений, и на которые претендовало еще и Донское правительство. Это было скучное зрелище. Но вполне очевидно, что чиновники, прибывшие в Екатеринодар из Таганрога и Ростова, были вынуждены тратить большую часть своего времени на поиски помещений для себя и своих семей, и, соответственно, у них почти не оставалось време-

ни для выполнения прямых обязанностей. Можно с уверенностью сказать, что после падения Ростова администрация Добровольческой армии практически перестала существовать.

В городе в каждом доме или квартире комнаты были реквизированы вне зависимости от нужд владельцев, цеплявшихся за все, чтобы спасти себя от перспективы оказаться на улице, когда — в довершении всего! — они не могли даже забрать с собой свою мебель, которую должны были оставить вновь прибывшим чиновникам. В штабе, расквартированном в заброшенном магазине на центральной площади, можно было весь день видеть толпы возмущенных домовладельцев и их друзей, протестующих против реквизиции жилья, в то время как другая толпа, столь же огромная и почти такая же шумная, состоящая из офицеров и чиновников с женами, только что прибыла в город и не имела понятия, где найти ночлег. Как бывает всегда в подобных случаях, самые громогласные и настойчивые просители были на самом деле наименее нуждающимися, а добрая половина всех разговоров в Екатеринодаре касалась ошибок в работе служб по расквартированию. Оставшееся время мы говорили о ценах, курсе обмена рубля на иностранную валюту и обсуждали слухи.

В конце концов было решено, что только часть правительства переедет в Екатеринодар, остальная будет отправлена в Новороссийск, столь же переполненный, как и Екатеринодар, или расселена по казачьим станицам. Одно время на официальном уровне обсуждалось предложение размещать служащих в правительственных учреждениях в городах, а их семьи — в станицах. Предложение вызвало панику по вполне резонной причине. В наши дни в России если вы потеряете из виду человека, пусть даже на несколько часов, то весьма вероятно, что вы рискуете его никогда больше не увидеть. Я знаю бесчисленное количество таких случаев. Отец мог выехать из Новороссийска в Ростов (если же, конечно, за взятку добудет у должностного лица билет), дорога до которого в нормальное время занимает всего несколько часов, чтобы увидеться с сыном, офицером Добровольческой армии. А сына куда-то внезапно отправили. Отец приезжает, не находит его и не может уехать из Ростова, так как там началась паника. Большевики захватили город, и отец вынужден остаться. Никто не знает, жив он или нет и где его сын. А в Ново-

российске его жена, думая, что он вернется через пару дней, остается без всяких средств к существованию. И такие ужасные вещи происходили изо дня в день. Когда кто-нибудь в России уезжал из города даже на короткий срок в описываемую мною пору, он прощался с друзьями, так как знал тысячи случаев, которые могли бы помешать ему вернуться. Сотни миль между Екатеринодаром и Ростовом или Екатеринодаром и Новороссийском были почти непреодолимым препятствием.

Какое в итоге было принято решение о расселении министерств с их чиновниками и их семьями, я на самом деле не знаю. Слишком велика была неразбериха, чтобы задействовать хоть какой-нибудь четкий план. Немного спас положение внезапный разлив Дона, задержавший наступление большевиков на несколько недель. Деникинский штаб вначале располагался в Батайске, совсем рядом с Ростовом, а затем медленно перебрался по железной дороге в Тихорецкую. Новый захват Ростова добровольцами в феврале породил надежды, но в итоге обернулся ловушкой, когда большая часть деникинских войск была обойдена с флангов и уничтожена. Жизнь в Екатеринодаре тем временем кипела вовсю.

Если в Ростове русские жили сегодняшним днем, то в Екатеринодаре они жили сегодняшним часом и сегодняшней минутой. Не было достоверных новостей, одни только слухи. Сегодня мы слышали, что белые взяли Таганрог, и красные отступают от Харькова, а завтра нам говорили, что генерал Деникин со своим штабом захвачен конницей Буденного под Тихорецкой и уничтожен. И мы не знали, где правда, а где ложь.

Среди моих новых друзей в Екатеринодаре были двое, чье мужество и стойкость в обстоятельствах, тяжелых даже для меня, но в десять тысяч раз худших для них, вызывали у меня огромное уважение и неменьшую любовь к ним. Оба приехали из Петрограда. Один из них журналист, другой – юрист. Первый – еврей и сын известного сиониста. Звали его Маршак. Фамилия другого молодого человека – Туманов [9]. Маршак помогал редактировать «Утро Юга», единственную независимую газету в Екатеринодаре. В свободное время переводил с английского стихи Блейка. Он работал пару лет в Лондоне в качестве корреспондента и хорошо знал английский. Жена его оказалась

очаровательной женщиной, храбро переносившей трудности в этом Богом забытом городке, и у них был ребенок двух или трех лет, который никогда не узнает, что пришлось пережить его родителям в те дни, особенно по его поводу. Маленький сын Тумановых в возрасте года или двух умер во время их путешествия в результате жуткой давки в поезде. Было ужасно узнавать, как много детей умерло в те страшные дни. Маршаки также потеряли одного ребенка [10], в большинстве семей, с которыми я встречался, такие же трагедии происходили в последние три года. Россия – не место для детей во время Гражданской войны, немного осталось их и на Юге.

Я был знаком с Маршаком прежде и, прибыв в Екатеринодар, тут же заглянул в его квартиру, а потом стал бывать у него часок-другой ежедневно. Маршак писал сатирические стихи на злободневные темы. Незадолго до моего приезда в Екатеринодар местный большевик, разозленный тем, что Маршак написал про него, пришел в редакцию газеты с револьвером и выстрелил в Маршака, но ранил другого сотрудника редакции. За это преступление он был посажен в тюрьму, но заявил, что как только придут большевики и освободят его, он без колебаний завершит задуманное. У Маршака не было ни малейшего шанса бежать из Екатеринодара, как еврей он не мог получить разрешения забрать с собой свою семью. Он отказался бросить семью, хотя жена умоляла его бежать и оставить ее, он настоял на своем. До меня дошли хорошие новости, что за несколько дней до падения Екатеринодара этот злобный большевик заболел столь тяжело, что друзья отчаялись увидеть его живым. Надеюсь, что он мертв и оставил бедного Маршака в покое [11].

Продолжение следует.

(Перевод с английского и комментарии Юрия Лучинского) ■

КОММЕНТАРИИ:

[1] Лондондерри – город в северо-западной части Ольстера (Северная Ирландия).

[2] Ссора эта не часто выходила на всеобщее обозрение, но, когда все же случалась, в воздухе пахло грозой. На съезде добровольцев и казаков в январе 1920 года казачий делегат, пред этим изрядно закусивший, закричал, что единственными достойными звания русских являются казаки, а все остальные – навоз! По залу пошло возмущение, и спокойствие удалось восстановить только после принесения извинений, выдворения смутьяна и взятого со всех участников обязательства, что никто из них не станет разглашать случившееся. Однако кто-то из присутствовавших поведал об этом по строжайшему секрету, и многие вскоре были в курсе произошедшего (**прим. К.Э. Бекхофера**).

[3] Парижская мирная конференция, созванная державами-победительницами для выработки и подписания мирных договоров с государствами, побежденными в Первой мировой войне, проходила с перерывами с 18 января 1919 года по 21 января 1920 года. В ней участвовало 27 стран, получивших статус победителей (в том числе и таких экзотических, как Эквадор, Гватемала и Гондурас). Россия же, подписав в марте 1918 года мирный договор с Германией, была названа «предательницей интересов союзников» по Антанте и практически исключена из принятия решений, несмотря на присутствие делегации во главе с С.Д. Сазоновым.

[4] Сазонов Сергей Дмитриевич (1860 – 1927) – министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 годах. В 1918 году входил в состав Особого совещания при А.И. Деникине. В 1919 году – министр иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака и А.И. Деникина.

[5] Горская республика была первоначально провозглашена в ноябре 1917 года на территории Дагестана и горских округов Терской области с центром в Порт-Петровске (Махачкала). В мае 1919 года она была ликвидирована войсками генерала Деникина, и ее правительство было эвакуировано в Тифлис.

[6] Успенский Николай Митрофанович (1875–1919) – генерал-майор Генштаба. В ноябре 1919 года был избран атаманом Кубанского казачьего войска, умер в декабре того же года в Екатеринодаре от сыпного тифа.

[7] Кулабухов Алексей Иванович (1880–1919) – участник кубанской делегации на Парижской мирной конференции. Священник, министр внутренних дел Кубанской Рады.

[8] Речь идет о Петре Демьяновиче Успенском (1878–1947), русском оккультисте, теософе, философе, писателе, которого хорошо знал К.Э. Бекхофер.

[9] Это не его настоящая фамилия, но так как, по моим сведениям, он остался в России, я не хочу раскрывать его имени (**прим. К.Э. Бекхофера**).

[10] Дочь Маршаков (К.Э. Бекхофер пишет фамилию Маршака как «Моршак» («Morshak»)) Натанаэль умерла в 1915 году в Острогожске, случайно опрокинув на себя самовар с кипящей водой.

[11] История, сообщенная К.Э. Бекхофером, подтверждается заметкой, опубликованной в газете «Утро Юга» от 27 августа (9 сентября) 1919 года под названием «Покушение на убийство членов редакционной коллегии «Утра Юга».